

Пан Шусян тяжело вздохнул:

— Дети останутся с нами поровну: Сяо Кунь будет со мной, а Сяо Ци — с тобой. Конечно, если ты в будущем выйдешь замуж и тебе будет сложно взять Сяо Ци с собой, он тоже может остаться со мной. Я не стану их обижать.

Он чувствовал, что как в прошлой жизни, так и в этой, он всегда был виноват перед своими сыновьями. Ошибки прошлого уже нельзя исправить, но сейчас он хотел сделать всё возможное, чтобы заботиться о них.

Шу Цзюнь взорвалась от гнева, не в силах сдержаться, она вскочила и пнула Пан Шусяна по голени:

— Что ты имеешь в виду, постоянно твердишь, что моя сестра снова выйдет замуж? Ты что, хочешь забрать обоих сыновей?! Моя сестра с таким трудом родила их, почему они должны достаться тебе?!

— Фан Шу Цзюнь! — холодно произнёс Пан Шусян. — Если ты не можешь успокоиться, лучше выйди!

Шу Цзюнь рефлекторно съёжилась, увидев его гнев, и её напор мгновенно ослаб.

Шу Фэнь заплакала, не обращая внимания на своего брата, и срывающимся голосом сказала:

— Сыновья — это мои дети, я хочу обоих. Я готова отказаться от денег, только бы оставить их с собой!

Пан Шусян нахмурился:

— Шу Фэнь, успокойся...

Шу Фэнь прервала его:

— Ты только и делаешь, что занимаешься бизнесом, совсем не заботишься о детях. Они видят тебя раз в месяц, словно у них и нет отца! Ты хочешь, чтобы у них не было ни отца, ни матери?

Эти слова задела Пан Шусяна, он глубоко вздохнул и сказал:

— Я постараюсь уделять им больше времени. Давай так: дети останутся с нами поровну. Ты возьми Сяо Ци, он ещё маленький, ему нужна мама.

Шу Фэнь всхлипнула:

— Сяо Кунь тоже не может без меня.

— Он всё-таки постарше.

— Но... я не могу его отпустить. — Шу Фэнь уже рыдала.

Глаза Пан Шусяна тоже наполнились слезами, но в этом вопросе он не собирался уступить.

Шу Цзюнь понимала, что ничем не может помочь сестре, а та, будучи малообразованной и крайне расстроенной, не могла думать ни о чём, кроме того, чтобы оставить сыновей с собой. Поэтому Шу Цзюнь сама выдвинула Пан Шусяну несколько условий. Например, если он не

сможет должным образом заботиться о Пан Ханькуне, то должен будет передать опеку над ним Шу Фэнь. Кроме того, хотя он дал ей некоторую сумму денег и половину фабрики, это было лишь малой частью его состояния (Шу Фэнь только сейчас узнала, насколько он богат), поэтому она потребовала, чтобы он ежегодно выплачивал алименты младшему сыну до его совершеннолетия. А две фабрики, которыми он владел, должны были перейти к сыновьям после их совершеннолетия.

Пан Шусян и сам так планировал, поэтому без колебаний согласился. Он также пообещал, что Шу Фэнь может временно остаться в этом доме, а он постарается как можно скорее купить ей новое жильё — Шу Фэнь не возражала. Она знала, что, пока живёт здесь, она всё ещё рядом с обоими сыновьями, а если переедет, то придётся расстаться со старшим.

В конце Пан Шусян ещё раз подчеркнул, что, если Шу Фэнь устроит свою жизнь заново, она сможет передать Пан Ханьци ему на воспитание. Это вызвало возмущение и у Шу Фэнь, и у Шу Цзюнь. Шу Фэнь твёрдо заявила, что никогда больше не выйдет замуж и будет жить с младшим сыном до конца своих дней. Однако Пан Шусян считал, что будущее непредсказуемо, и, хотя больше не говорил об этом, настоял на том, чтобы это условие было включено в соглашение о разводе.

Трое провели в переговорах всю ночь. На следующее утро, когда сыновья увидели опухшие глаза матери, чувствительные мальчики тут же расплакались. Пан Ханькунь настойчиво спрашивал:

— Мама, что с твоими глазами?

Шу Фэнь, услышав это, ещё больше расстроилась и, обняв его, зарыдала. Маленький ребёнок не понимал, что происходит между взрослыми, и, прижавшись к маме, плакал вместе с ней.

После слёз развод всё же состоялся. Пан Шусян быстро нашёл юриста, составил соглашение, и они вместе отправились в ЗАГС.

В те времена разводы были редкостью. Сначала никто не знал об этом, включая родителей Шу Фэнь. Позже, неизвестно как, об этом узнали соседи, и отец Шу Фэнь пришёл скандалить. Он не застал Пан Шусяна, но набросился на Шу Фэнь, называя её дурой, которая отпустила такого богатого мужа, и даже если разводится, то должна была вытянуть из него больше денег.

К счастью, Шу Цзюнь заранее предупредила сестру, и, когда отец устроил скандал, Шу Фэнь сохранила спокойствие. Она просто сказала, что её семья слишком бедна для Пан Шусяна, поэтому он решил развестись. Также она упомянула, что он дал ей всего три тысячи юаней. Услышав о трёх тысячах, её отец-игроман стал уговаривать её, и, получив две тысячи, с радостью ушёл.

Шу Фэнь смотрела на удаляющуюся спину отца-игромана и снова благодарила Шу Цзюнь за её предусмотрительность. В противном случае её миллион юаней был бы проигран за несколько дней — она была слишком мягкосердечной.

Однако через два дня отец снова пришёл за деньгами, утверждая, что задолжал тысячу юаней, и если не вернёт, его убьют. Он явно не успокоится, пока не потратит все три тысячи Шу Фэнь. Она почувствовала глубокую печаль, понимая, что лучше было бы сказать ему, что Пан Шусян не дал ей ни копейки...

Но она знала своего отца-игромана и категорически отказалась отдать оставшуюся тысячу, плача и говоря, что у неё нет дохода и она должна растить сына, а если потратит эти деньги, то

придётся вернуться к родителям, иначе они умрут с голоду. Услышав это, отец тут же закричал, чтобы она поскорее нашла работу и не приходила жить к ним — они не смогут содержать её и сына. К счастью, он не знал законов и не был знаком с людьми, которые разводились, поэтому ничего не слышал об алиментах. Позже, когда он узнал, то уже не осмелился идти к Пан Шусяну.

С тех пор отец больше не приходил к Шу Фэнь. Что касается Пан Шусяна, у него не хватило смелости обратиться к нему. Когда его тянуло к азартным играм, он, как и раньше, шёл к сыну. То говорил, что болит здесь, то жаловался на что-то другое, но всё сводилось к тому, чтобы выпросить деньги. Шу Цзюнь не обращала на это внимания, и если он действительно болел, то сама водила его к врачу, но никогда не давала денег. После нескольких попыток он успокоился — будучи ярым сторонником патриархата, он надеялся, что единственный сын будет заботиться о нём в старости, и не хотел его разозлить.

Хотя они всё ещё жили в том же доме, и, как и раньше, большую часть времени проводили втроём, настроение Шу Фэнь полностью изменилось. Раньше это был её дом, а теперь она лишь временно здесь жила. Она ценила каждый момент, проведённый с сыновьями, и даже забрала у няни стирку, считая, что у неё осталось не так много возможностей постирать одежду старшего сына, и нужно успеть сделать это как можно больше раз.

Пан Ханькунь и Пан Ханьци, хоть и были маленькими, чувствовали изменения. В доме почти ничего не изменилось, но они всё время старались быть рядом с мамой. Особенно Пан Ханькунь, который каждый день, как только заканчивались занятия в детском саду, первым выбегал искать маму. А Пан Ханьци, хотя уже умел ходить, всё равно требовал, чтобы его носили на руках.

Бизнес Пан Шусяна шёл своим чередом, и ему не нужно было лично вмешиваться. Сотрудники компании, управляющие фабриками и рабочие уже привыкли к своим обязанностям. Благодаря системе поощрений и наказаний, введённой Пан Шусяном, они старались выполнять свою работу как можно лучше, ведь все помнили о премиях в конце года. Кто бы стал лениться?

Что касается клиентов, несколько менеджеров ежедневно обменивались с ними письмами, заказы поступали регулярно, и все восемь фабрик были загружены работой.

Шу Цзюнь хотела уволиться, но потом передумала. Остыв, она подумала об отношениях своей сестры и Пан Шусяна — они действительно не подходили друг другу, и, пожалуй, развод был лучшим решением для неё. Женщина, которая никогда не получает любви от мужа, не будет счастлива, даже если у неё много денег. Сестра теперь стала богатой, и в будущем нужно будет помочь ей найти достойного мужчину, чтобы её не обманули...

Пан Шусян, естественно, стал свободнее, и поначалу он чувствовал себя не в своей тарелке. Человек, который всю жизнь был занят, вдруг оказался без дела, и ему хотелось кого-нибудь отругать.

Он отказался от всех приглашений, уходил с работы вовремя и иногда по пути домой покупал готовую еду — готовить он не умел, поэтому брал только готовые блюда. Неподалёку был чайный ресторан, открытый гонконгцем, где подавали отличные блюда.